

УДК 821.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-144-152

Первый литературный текст якутской традиции в аспекте новых подходов к поэтике

Н. В. Покатилова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

✉ pnv_ysu@mail.ru

Аннотация. В статье специально рассматривается вопрос о первом литературном тексте, ставшем основой литературы как системы, отличной от устной традиции. В связи с этим предпринята попытка пересмотреть вопрос о том, какое произведение А. Е. Кулаковского следует считать первым текстом якутской литературы: первое по хронологии замысла и его создания или первое по времени публикации, ставшее широко известным читателю. В работе выдвинуто гипотетическое предположение о важности все же факта публикации первой поэмы А. Е. Кулаковского «Клятва Абаасы» в 1908 г., отобранной самим автором для печати из всего созданного в то время корпуса ранних его произведений. Цель исследования состоит в анализе первой поэмы А. Е. Кулаковского в аспекте поэтики собственно литературного текста. В задачи исследования входит анализ поэмы в аспекте выявления в ней «поэтического начала» и в контексте становления литературного текста в целом, определившего принципы формирования литературной поэтики поэта. Результаты анализа первой поэмы А. Е. Кулаковского показывают, что именно это произведение, а не «Алгыс Байанау» следует рассматривать в качестве первого литературного текста традиции, символизирующего собой начало становления литературы как нового типа текста, отличного от фольклора. Анализ этой поэмы подтверждает, что с самого начала литература, в отличие от фольклора, направлена на создание автором собственно *поэтического начала*, пронизывающего текст на всех его уровнях. Научное обоснование «первотекста» якутской литературной традиции следует рассматривать как вполне мотивированный отказ от идеологических оценок, характерных для советского литературоведения и в особенности для истории изучения литературного наследия А. Е. Кулаковского.

Ключевые слова: поэтика, литературный текст, устная традиция, ранняя литература, поэтический язык, поэтическая функция, авторство, поэтологические представления.

Для цитирования: Покатилова Н. В. Первый литературный текст якутской традиции в аспекте новых подходов к поэтике. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, №2. С. 144–152. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-144-152

The first literary text of the Yakut tradition in the aspect of new approaches to poetics

N. V. Pokatilova

Institute for Humanities and the Indigenous Peoples of the North SB RAS

✉ pnv_ysu@mail.ru

Abstract. The article provides in-depth the issue of the first literary text, which serves as the foundation for the development of literature as a distinct system apart from the oral tradition. In this context, we aim to revisit the question of which work by A.E. Kulakovsky should be regarded as the inaugural text of Yakut literature: the chronologically first by its conception and composition or the first by publication, which became widely known to readership. The paper forwards a hypothetical proposition of the importance of the publication of A.E. Kulakovsky's first poem "Oath of Abasy" in 1908, which was selected by the author himself from the entire corpus of his early body of work. The purpose

© Покатилова Н. В., 2024

of the paper is to analyse the first poem by A.E. Kulakovsky in the aspect of poetics of the literary text itself. The research objectives include the analysis of the poem in the aspect of identifying the “poetic principle” within and in the context of the formation of the literary text as a whole, which determined the principles of formation of the poet’s literary poetics. The results of the analysis of A.E. Kulakovsky’s first poem demonstrate that it was this exact work, rather than “Algyys to Baianai”, should be seen as the first literary text of the tradition, symbolising the beginning of literature as a new type of text, distinct from folklore. Analysis of this poem confirms that literature, unlike folklore, is aimed from the start at the author’s creation of the poetic principle proper, which permeates the text on all its levels. The scientific justification of “the primary text” of Yakut literary tradition should be considered as a fully motivated departure from the ideological assessments, characteristic of Soviet literary criticism and, in particular, in the history of studying the literary heritage of A.E. Kulakovsky.

Keywords: poetics, literary text, oral tradition, early literature, poetic diction, poetic function, authorship, views of poetology

For citation: Pokatilova NV. The first literary text of the Yakut tradition in the aspect of new approaches to poetics. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 2. Pp. 144–152. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-144-152

Введение

Долгое время в изучении литературного наследия А. Е. Кулаковского преобладали устоявшиеся утверждения о том, что именно фольклорные, устные по своему происхождению произведения в его творчестве стали основой зарождающейся литературы. При этом стало хрестоматийным признание того, что именно «Байанай алгыһа» («Алгыс Байанау») с датировкой 1900 г. является точкой отсчета якутской литературы, своего рода «первым» текстом по времени его создания и новой традиции в целом [1–3]. В результате из поля зрения исследователей полностью ускользал собственно поэтический прецедент создания литературы. Версия же «основоположника литературы» осмыслялась при этом в качестве плавного перетекания устного текста в литературный. Наиболее полно подобная концепция «зарождения» якутской литературы нашла отражение в коллективных изданиях советского периода, прежде всего в обобщающих по своему характеру «очерках истории литературы» того времени [4, 5].

Исследовательская задача в этом случае осложнялась тем, что признание А. Е. Кулаковского основоположником литературы было общепринятым, не требующим текстуального подтверждения на материале именно его произведений. В должной мере не был определен и его личный вклад в процесс создания национальной литературы. Собственно исследовательское понимание этого процесса и его научная оценка еще не стали основой осмысления поэтического феномена А. Е. Кулаковского как первого поэта якутской литературы. До сих пор недостаточно исследованной в этой связи остается поэтика первого поэта и пути ее сложения, приведшие к созданию первой поэтической системы индивидуального автора. Одним из отголосков затяжных дискуссий советской эпохи остается представление о том, что реформаторская сущность в деятельности первого поэта сводится лишь к обработке (в лучшем случае – к переработке) фольклорного материала. Отсюда – сохраняющее свою актуальность представление о А. Е. Кулаковском как о «якутском Лёнинроде», высказанное в свое время одним из первых литературных критиков [6]. При этом имелся в виду автор одного из первых литературных переложений эпических песен «Калевалы».

Цель исследования состоит в анализе первой поэмы А. Е. Кулаковского в аспекте поэтики собственно литературного текста. В задачи исследования входит анализ поэмы в аспекте выявления в ней «поэтического начала» и в контексте становления собственно литературного текста, определившего принципы формирования литературной поэтики поэта.

Исходя из этого, в работе использованы методологические принципы анализа отдельного текста в аспекте выявления в нем поэтического начала, восходящие к

концепции поэтического текста ОПОЯЗа (Ю. Н. Тынянов [7], Е. Д. Поливанов [8, 9]) и Пражского лингвистического кружка (Н. С. Трубецкой [10], Р. О. Jakobson [11–13] и др.). Методологическим основанием данной работы стали исследования рубежа XX–XXI вв., связанные с разработкой концепций различия литературного и фольклорного текстов и их поэтики, обусловленной особенностями функционирования и структурирования «устного» и «письменного» типов текста (Р. О. Jakobson, В. Н. Топоров, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др.).

В работе предпринят, с одной стороны, анализ поэмы А. Е. Кулаковского в аспекте новых методологических подходов к поэтике (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, В. В. Иванов и др.) в качестве целостного структурирования того или иного типа текста, получивших развитие в отечественной филологии, в равной мере и по отношению к литературному и в особенности к фольклорному тексту (Топоров [14], Ю. М. Лотман [15], В. В. Иванов [16] и др.), с уточнением их типологических различий (С. Ю. Неклюдов [17]). С другой стороны, первое литературное произведение А. Е. Кулаковского, возникшее на стыке устной и письменной традиций, на пересечении в его генезисе русской и якутской литератур, в значительной мере позволяет расширить контексты его рассмотрения. Этим произведением А. Е. Кулаковский не только создал поэтический прецедент новой литературы, но и с первых шагов становления этой литературы органично вписался в мировой литературный процесс. Тем самым первый опыт А. Е. Кулаковского по созданию литературного текста не ограничивается рамками одной национальной традиции и по своему генезису становится поэтическим явлением, аккумулировавшим в себе опыт мировой литературы.

«Клятва Абаасы» как первый литературный текст якутской традиции: к проблеме поэтического начала

Корпус опубликованных произведений А. Е. Кулаковского открывался поэмой «Клятва Абаасы» («Абааһы андаҕара») с подзаголовком «Вольный перевод «Клятвы Демона» Лермонтова» (газ. «Якутская жизнь», 1908, № 19). В том же 1908 г. было напечатано стихотворение «Проклятый до рождения» («Төрүү илигиттэн кыранылаах»; газ. «Якутская жизнь», 1908, № 21). В 1913 г. в журнале «Голос якута» (№ 1) было опубликовано стихотворение поэта «Большая огнедышащая лодка» («Уот тыыннаах улахан оночо»).

Первые вышедшие в печати произведения имели исключительное значение, поскольку ими было положено начало новой *письменной* традиции литературы. Вследствие отсутствия черновых рукописей автора впоследствии журнальные публикации приобрели текстологическую значимость первоначальных вариантов в том понимании «варианта», которое принято в текстологии [18].

С самого начала первые опубликованные произведения продемонстрировали стремительность творческой эволюции А. Е. Кулаковского. Среди них заметно выделялась первая поэма автора, в которой он сразу заявил о себе как о вполне состоявшемся авторе, отличающемся от традиционного певца. Выбор именно этого произведения для своей первой публикации был для поэта неслучайным. Зарождающаяся литература первым же опубликованным текстом заявила о себе как о качественно новом уровне преломления предшествующей традиции, причем одновременно двух традиций – как «своей» – автохтонной, так и «чужой» – заимствованной. В первом случае – это актуализация древнейшей мифоритуальной клятвы-*андагар*, во втором – заимствованная сюжетика поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». Двойственность истоков этой поэмы нашла выражение как в оригинальной точке пересечения «чужой» и «своей» традиций, так и в многоплановой поэтике самого произведения.

Названием этого произведения «Абааһы андаҕара» уже создавался устойчивый фон для его восприятия. С одной стороны, это ориентация не столько на «читателя» в обычном понимании, сколько – на слушателя, знающего жанр андагар (ритуальной клятвы) и связанные с ним представления и ассоциации в якутской культуре. С другой стороны, то, что такое сакрализованное слово, как *андагар* вкладывалось с уста демонического

существа – абаасы – имело значение явного сгущения смыслов в самом тексте. Одна плоскость сакральных представлений, связанных в якутской устной традиции с жанром андагар, накладывалась на другую, не менее плотную по своей насыщенности ассоциаций, возникающих вокруг демонической фигуры героя и самого слова «абаасы».

У Кулаковского намеренно опускаются все дополнительные сюжетные линии, отличающие лермонтовский текст, в том числе – вся экспозиция о «падении» Демона и изгнании его из рая; рассказ о женихе Тамары; отступление о славном Гудале; явление ангела в сцене искушения; авторское отступление в конце поэмы, обусловленное романтической поэтикой оригинала. Существенно переиначивается сюжетная последовательность событий: Тамара у Лермонтова уходит в монастырь после смерти жениха, а в тексте Кулаковского – после беспрестанных преследований со стороны Абаасы.

Сюжетная трактовка оригинала у Кулаковского сводится лишь к одной линии, и то настолько перекодированной в систему ценностных представлений «своей» традиции, что перед нами предстает вполне самостоятельное произведение, в котором древняя клятва-андагар и нарушение «данного слова» определяют собой даже не сюжетную, а повествовательную коллизию в нем.

Усеченным предстает и подзаголовок произведения, где автором уточняется, что это вольное переложение только «*клятвы Демона*», а не всей поэмы. Между тем такая фрагментация отобранного им оригинала говорит о многом в тексте самого Кулаковского. Автор новой поэмы отказывается от какого-либо изложения исходного текста, поскольку тот хорошо известен читающей публике. Определяющей при этом становится его установка на то, *как* организовано его собственное поэтическое высказывание на родном языке. Иными словами, ценностная перекодировка исходного текста ведет к тому, что акцент скорее делается не на сюжетной последовательности, а на повествовательной структуре создаваемого текста.

Структурно «Клятва Абаасы» состоит из двух частей: обрамляющего текст прозаического изложения сюжета лермонтовской поэмы и собственно «клятвенной» части внутри текста, предвараемой «диалогом» Тамары и Абаасы. По давней исследовательской традиции эта часть обозначается как стихотворная. Однако ее ритмическая структура оказывается намного сложнее, чем принято считать и до сих пор остается не до конца проясненной.

Одновременно текст Кулаковского чрезвычайно динамичен в плане событийного развертывания, однако реализуется эта динамика большей частью даже не в речи героев, а в повествовательной речи, пронизывающей всю прозаическую часть произведения. При этом повествователь в тексте отчетливо не эксплицируется как определенная точка зрения, но обнаруживается в качестве незримой и «растворенной» в тексте повествовательной позиции.

Тон всему повествованию задается лермонтовской фразой («Летал над грешною землей»), переосмысленной, с одной стороны, в ценностно-поэтической системе другой (т. е. «своей») культуры, с другой – в аспекте собственно пространственной организации прозаической части повествования. Сюжетно значимыми в ней оказываются пространственные перемещения Абаасы по отношению к «Среднему миру» – своего рода прообраза «грешной земли» («Орто дойду», «Аан ийэ дойду» и т. п.), которые соотносятся в тексте с возникающим в слове повествователя образом крупной хищной птицы (*куоттарбат тонгуолдьут, саһыарбат кэрэһит*), создающимся в традиционной формульной стилистике. Однако образ летающего Демона (Абаасы), несмотря на отдельные «пространственные» ассоциации с этой птицей, неоднозначен. В описании этого героя через сложную систему тропов (сравнений и инверсий) один семантический круг наслаивается на другой, создавая смысловую сгущенность повествования на относительно небольшом отрезке пространства, что ведет к суггестивности (по Ю. Н. Тынянову), характерной, как правило, для поэтического (в узком значении – стихотворного) текста [19].

Тем самым автором создается текст, в котором семантические напластования образуют иерархически сложную структуру целого, где определяющее значение приобретает «высокая» лексика в речи повествователя, соотносимая с мифологической моделью мира, конструируемой автором в пространстве текста.

Изысканная по форме, формульно орнаментированная речь в этой части повествования оказывается вместе с тем перенаправленной со «слова» на «действие». В литературном произведении, в отличие от фольклорного, начинает теряться самодостаточность (приносимого) «слова» как такового, заменяясь «действием», точнее, изображением «действия», важного для сюжетного развертывания повествования. Ритм движения «вверх» и «вниз» дается в анализируемой поэме как в прямом, так и в переносном (тропеическом) значении слова, приобретая в контексте всего повествования самооценность «действия в слове». Тем самым постоянно встречающиеся в тексте колебания движения «вверх» и «вниз», их нюансировка в других частях текста (в диалоге и в самой клятве), приобретают символический смысл, когда двуединство «верха» и «низа» осмысливается не только в пространственных категориях, но и в значении «высокого» и «низкого» слова-мысли («*Үөһээ бөбө... санаалаах*» – «Имеющий высокие помыслы...»); в виде устойчивой оппозиции героев («*Айыыгын дуу, абааһыгын дуу?*») или двух миров («*Үөһэттэн төлкөлөнөн түстүң дуу, аллараттан анатан табыстың дуу?*»), лейтмотивом проходящих через все повествование; наконец, в появлении «высокого» и «низкого» повествовательного и смыслового планов в сюжетно-композиционной иерархии текста (встреча Абаасы с Ангелом в прозаической концовке всего произведения).

Собственно «клятвенная» часть произведения, воспринимаемая как «стихотворная», строится, на наш взгляд, как своеобразный синтез стиха и прозы, представляя собой своеобразную «прозопоэтическую» форму. По своей ритмической природе она близка к ритмизованной прозе культовых речений, хотя имеет при этом сложно орнаментированную систему повторов, где аллитерация не является основным, «канонизованным» видом повтора [20]. Истоки описанной «прозопоэтической» структуры следует видеть в ориентации поэта на такую архаическую особенность жанра *андагар* в устной традиции, как его прозаическая форма, построенная на параллелизме строк. Синтаксический параллелизм «удлиненных» строк каждый раз ритмически перебивается рефренно повторяющимся словом «андаҕайабын» («клянусь»). На фоне длинных строк этот рефрен предстает усеченной структурой, выполняющей отчасти функцию композиционного перебора ритма и синтаксического периода.

Обе части не уступают друг другу в «высокой» стилистической отмеченности авторского слова в этом произведении. В первом случае она возникает как результат высокой степени ритмизации, насколько это возможно для прозы, насыщенности ее поэтическими тропами и синтаксическими фигурами, орнаментальными звуковыми повторами архаического происхождения, во втором – сама ритмическая составляющая архаического жанра *андагар* (как и элементов проклятия – *кырыыс*) воссоздается «в клятвенной» части повествования.

Таким образом, все внимание в рассматриваемом тексте А. Е. Кулаковского сосредотачивается на стилистической обработке контаминированного сюжета. Доминирует при этом тип построения авторского слова, разрастающегося в новом произведении в противовес его сюжетному «упрощению». Заметим, что это слово охватывает только прозаическую часть произведения (представляя собой пересказ фабулы лермонтовской поэмы) и обрамляет с двух сторон собственно «клятву». Прозаический пересказ, описывающий контекст «клятвы» и выводящий ее за жанровые пределы, безусловно, выполняет основную композиционную функцию в создании архитектоники целого произведения.

В этой связи по отношению к поэме следует говорить о целостной двухчастной композиции повествования. Условно обозначаемые как «прозаическая» и «стихотворная» части поэмы на самом деле дают разные типы построения в повествовательной структуре, то, что Б. В. Томашевский обозначал понятием «системы рассказывания» [21, с. 255, 247].

Многообразие и разноплановость форм «рассказывания» именно в этой поэме свидетельствует о том, что над событийной (фабульной) последовательностью автором надстраивается собственно повествовательная структура, автономная по отношению к другим уровням текста. Отсюда – и различие двух разных типов построения самого повествования как в его «прозаической», так и в «стихотворной» специфике.

Первое опубликованное произведение Кулаковского, таким образом, обозначило резкость перехода от фольклорного типа текста к литературному, в нем сведены воедино почти все инновации метрического, стилистического и авторско-повествовательного плана. Индивидуальная повествовательная манера А. Е. Кулаковского определяет особую степень эстетической завершенности, которая в полной мере отличает, как показывает анализ, поэтику первого авторского произведения поэта.

Первая поэма А. Е. Кулаковского в аспекте перспектив становления литературной поэтики

Истоки становления авторского начала в поэтике А. Е. Кулаковского следует видеть в поэтическом интересе юного поэта к опыту других поэтов мировой литературы. Еще в юношеские годы среди всех достоинств поэзии Горация юный Кулаковский выделяет «удивительное совершенство формы» [22, с. 798–800]. Уже тогда определяющее значение для него приобретает понятие «поэтической формы» и ее актуализация в процессе создания художественного произведения. Внимание к эстетической стороне «поэтической формы» формируется у будущего поэта не только по отношению к собственно литературному тексту, но и по отношению к поэтике как одной из древних наук и как разновидности теоретической рефлексии. Характерны в этой связи неоднократные обращения поэта в течение всей его жизни к специальным трактатам по поэтике. Судя по конспектам античной литературы 1896–1897 гг., юный Кулаковский специально изучает и сравнивает два русских перевода поэтики Горация – «Науки о стихотворстве». В конце своей жизни А. Е. Кулаковский вновь вернулся к поэтике, создав уже свой теоретический трактат «Правила якутского стихосложения» (1925 г.) [23].

Таким образом, первая поэма и последующее творчество А. Е. Кулаковского дают достаточные основания для обратного предположения, чем достаточно распространенное представление о полном следовании его ранних текстов фольклорным. С самого начала литература как новая система порождения текстов оказывается избирательной не только по отношению к жанровым формам «своей» устной традиции, но и по отношению к «заимствуемым», а точнее, к используемым также избирательно и фрагментарно образцам «другой» письменной литературы (древнегреческой, древнеримской, древнерусской, русской).

Освоение того и другого материала идет у Кулаковского по пути, отличному от фольклора, и во многом оказывается предопределенным эволюцией и закономерностями самой литературы. При этом вполне осознанный – авторский – индивидуальный способ трансформации предшествующих традиций и источников обнаруживается уже в первом опубликованном произведении поэта. Более того, именно это произведение оказывается полностью зависимым от уровня авторского самосознания, который сложился у Кулаковского задолго до времени его создания, что вместе с тем предопределило принципы структурирования им литературного текста на всех этапах его творческой эволюции. Ярким примером происходящих процессов в формировании литературного авторства стало первое опубликованное произведение А. Е. Кулаковского «Клятва Абаасы» (1908 г.).

Целостная поэтика этого произведения определяется тем, что в нем представлен совершенно иной, литературный, тип текстообразования, связанный, как показывает анализ, с доминированием поэтической функции [24, 25] на таких уровнях, как сюжетный, стилистический, повествовательный. «Литературность» этого текста, понимаемого как «превращение речи в поэтическое произведение» [26, с. 81], определяется в данном случае созданием в нем такой иерархической системы, где поэтическое начало проявляется на

каждом уровне целого текста [27], что полностью подтверждает представленный анализ этого произведения.

На материале творчества первого поэта вполне достоверно прослеживаются генезис и становление собственно литературного текста якутской традиции, при этом сама подвижность литературных форм на стыке фольклора и становящейся литературы, характерная для ее раннего этапа, приобретает особое значение как предвосхищение *всего литературного* в последующем развитии. Этим объясняется влияние многих начинаний, идей, текстов (и не только литературных) А. Е. Кулаковского на не одно поколение поэтов и писателей. В реформаторской сущности своей поэзии ему удалось достичь того, о чем мечтал он в юношеские годы, – стать «национальным поэтом» как Пушкин в русской литературе [28] и Гораций – в римской [22].

Заключение

Исследование произведений А. Е. Кулаковского в аспекте времени их написания и точной хронологии публикации, самодостаточность и своеобразие в этой связи его собственно поэтической эволюции, а также творческая решимость самого автора, его личного, осознанного выбора при публикации своих произведений позволяют скорректировать достаточно распространенную в течение продолжительного времени точку зрения на наследие поэта о «вызревании литературы» в недрах фольклора. Анализ наследия первого поэта как целостной системы, в которой нашла отражение эволюция его собственно поэтических представлений и отдельных поэтологических моментов его (пред)научной рефлексии, позволяет представить возникновение литературы как процесса формирования системы текстов, принципиально отличной от фольклора, хотя и тесно связанной с ним в своем генезисе.

Методология потекстового анализа произведений поэта в хронологической последовательности их публикации, представленная в настоящем исследовании, позволяет по-новому подойти к устоявшимся представлениям, выдвинутым без текстуального анализа самого произведения. В данном случае это в полной мере относится к произведению «Алгыс Байанаю», опубликованному самим поэтом в составе его этнографической книги «Материалы для изучения верований якутов» в 1923 г. без соответствующей датировки его 1900 г.

Однако факт того, что автор не внес его в корпус отобранных им журнальных публикаций своих произведений 1908–1913 гг., всё же свидетельствует об обратном, о том, что в основе генезиса этого текста лежали несколько иные принципы его «создания», отличные от литературного произведения. В свою очередь анализ именно этого «Алгыса Байанаю» в соотнесенности со всей системой первых опубликованных произведений поэта 1908–1913 гг. дает основания для предположения о том, что, действительно, этот текст является одним из образцов целостной имитации фольклорного жанра, причем его отдельной жанровой разновидности (алгыс охотника), но отличается, по сравнению с устными вариантами, инвариантной полнотой в сюжетной последовательности, которую не встретишь ни в одном из отдельно взятых фольклорных вариантов. Об этом же говорит и сопоставление «алгыса» Кулаковского «с алгысом Ионова», упоминаемого самим поэтом в его в «Материалах...» (1923) [29]. По принципам использования фольклорного материала «алгыс» Кулаковского прямо соотносится с той группой достаточно «поздних» его произведений, которая была создана им в промежуток 1921–1923 гг., символизирующих собой следующий этап в творческой эволюции поэта. Косвенным подтверждением этого является то, что при подготовке в 1924–1925 гг. прижизненного издания своих произведений А. Е. Кулаковский заново переработал и/или отредактировал именно произведения, так или иначе связанные с фольклором, дополнив их обширными авторскими комментариями научного плана, в которых отчетливо была обозначена возможность тенденции к архаизации устной традиции в целом. В то же время корпус первых опубликованных произведений поэта в этом же издании остался во многом без существенных изменений.

Значение первого опубликованного произведения А. Е. Кулаковского, помимо всего прочего, определяется тем, что с этого времени начинается незаметное преобразование культурной среды и формирование читателя особого типа, выросшего на устной традиции, но и при этом знакомого с письменной культурой. Автор создает образец художественного текста *на своем языке*, ориентируясь на который впоследствии может быть создана целая литературная традиция.

В этом контексте проблема «первотекста» традиции приобретает особую значимость как в аспекте поэтической эволюции самого А. Е. Кулаковского, так и в ракурсе становления собственно литературной поэтики в якутской словесности.

Л и т е р а т у р а

1. Кулаковский, А. Е. Ырыа-хоһоон / Песня-стих. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1946. (на якут. яз.).
2. Кулаковский, А. Е. Ырыалар-хоһооннор / Песни-стихи. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1957. (на якут. яз.).
3. Кулаковский, А. Е. Ырыа-хоһоон / Песня-стих. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1978. (на якут. яз.).
4. Очерк истории якутской советской литературы. – Москва, 1955.
5. Очерк истории якутской советской литературы. – Москва, 1970.
6. Леонтьев, В. Н. Критические заметки о творчестве А. Кулаковского // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед.хр. 162. Л. 1–5.
7. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 576 с.
8. Поливанов, Е. Д. Общий фонетический признак всякой поэтической техники [1937] // Вопросы языкознания. 1963. – № 1.
9. Поливанов, Е. Д. Рифмология Маяковского // Известия Академии наук. Отделение языка и литературы. – Т. 39. – 1980. – № 2.
10. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии. – Москва : Прогресс, 1989. – 560 с.
11. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975.
12. Якобсон, Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. – Москва : Радуга, 1983. – С. 462–482.
13. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике. – Москва : Прогресс, 1987. – 462 с.
14. Топоров, В. Н. Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. – Москва : РГГУ, 2012. – 216 с.
15. Лотман, Ю. М. Избранные труды. В 3-х томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992.
16. Иванов, В. В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 202 с.
17. Неклюдов, С. Ю. Поэтика эпического повествования : пространство и время. – Москва : РГГУ, 2015. – 216 с.
18. Рейсер, С. А. Основы текстологии. – Ленинград, 1978.
19. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – 576 с.
20. Поливанов, Е. Д. Избранные работы : Труды по восточному и общему языкознанию. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. – 624 с.
21. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 336 с.
22. Покатилова, Н. В. Античная реплика в генезисе якутской литературы // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции 23–25 июня 2014. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. – Санкт-Петербург : Наука, 2014. – С. 794 – 803.
23. Кулаковский, А. Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Вып. 1. – Якутск, 1925. – С. 76–79.
24. Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии. – Москва : Прогресс, 1989. – 560 с.
25. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975.
26. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике. – Москва : Прогресс, 1987. – 462 с.
27. Покатилова, Н. В. Поэтическая функция первых литературных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Вып. 16. – Владикавказ : Северо-Осетинский государственный университет, 2014. – С. 453–460.

28. Покатилова, Н. В. Пушкинский контекст поэзии А.Е. Кулаковского // Полярная звезда. – 1999. – № 6. – С. 80–84.
29. Кулаковский, А. Е. Научные труды. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – 484 с.

References

1. Kulakovskiy AE. Yrya-khohon/Song-poem. Yakutsk: Yak. Book Publishing House, 1946. (In Yakut.)
2. Kulakovskiy AE. Yryalar-khohonnor/Songs and poems. Yakutsk: Yak. Book Publishing House, 1957. (In Yakut.)
3. Kulakovskiy AE. Yrya-khohon/Song-poem. Yakutsk: Yak. Book Publishing House, 1978. (In Yakut.)
4. Sketch of the History of Yakut Soviet Literature. M., 1955.
5. Sketch of the History of Yakut Soviet Literature. M., 1970.
6. Leontiev VN. Critical notes on the work of A. Kulakovskiy. Archive of the YSC SB RAS, 1925.
7. Tynyanov YN. Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow: Nauka, 1977:576.
8. Polivanov ED. General phonetic sign of any poetic technique. Voprosy lingvostaniya, 1963;(1).
9. Polivanov ED. Mayakovskiy's Rhymeology. Izvestiya Akademii Nauk. Department of Language and Literature, 1980;39(2).
10. Trubetskoy NS. Selected works on philology. Moscow: Progress, 1989:560.
11. Jakobson RO. Linguistics and Poetics. Structuralism 'for' and 'against'. Moscow: Progress, 1975.
12. Jakobson RO. Poetry of grammar and grammar of poetry. Semiotics. Moscow: Raduga, 1983:462-482.
13. Jakobson RO. Works on Poetics. Moscow: Progress, 1987:462.
14. Toporov VN. Pindar and the Rigveda. Pindar's Hymns and Vedic Hymns as a Basis for Reconstructing the Indo-European Hymn Tradition. Moscow: RGU, 2012:216.
15. Lotman YM. Selected works. In 3 volumes. Articles on semiotics and typology of culture. Tallinn: Alexandra, 1992;1.
16. Ivanov VV. Linguistics of the third millennium. Questions for the Future. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004:202.
17. Neklyudov SY. Poetics of epic narrative: space and time. Moscow: RGU, 2015:216.
18. Reiser SA. Fundamentals of textology. Leningrad, 1978.
19. Tynyanov YN. Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow: Nauka, 1977:576.
20. Polivanov ED. Selected Works: Works on Oriental and General Linguistics. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit., 1991:624.
21. Tomashevskiy BV. Theory of Literature. Poetics. Moscow: Aspect Press, 2002:336.
22. Pokatilova NV. Antique replica in the genesis of Yakut literature. Indo-European linguistics and classical philology, XVIII (readings in memory of I.M. Tronsky). Materials of the International Conference 23-25 June 2014. Saint Petersburg: Nauka, 2014:794-803.
23. Kulakovskiy AE. Rules of Yakut verse composition. Collection of works of the research society 'Sakha Keskile'. Yakutsk, 1925;1:76-79.
24. Trubetskoy NS. Selected works on philology. Moscow: Progress, 1989:560.
25. Jakobson RO. Linguistics and Poetics. Structuralism 'for' and 'against'. Moscow: Progress, 1975.
26. Jakobson RO. Works on Poetics. Moscow: Progress, 1987:462.
27. Pokatilova NV. Poetic function of the first literary texts. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Vladikavkaz: North-Ossetian State University, 2014;16:453-460.
28. Pokatilova NV. Pushkin context of A.E. Kulakovskiy's poetry. Polar Star, 1999;(6):80-84.
29. Kulakovskiy AE. Scientific works. Yakutsk: Yak. Book Publishing House, 1979:484.

ПОКАТИЛОВА Надежда Володаровна – д. филол. н., проф., г. н. с., зав. отд. фольклористики и литературоведения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: pnv_ysu@mail.ru

Nadezhda V. POKATILOVA – Dr. Sci. (Philology), Prof., Leading Researcher, Head of the Department of Folklore and Literature of the Institute of the Humanities Research and the Indigenous Studies of the North SB RAS.